

ДУШУ ГОРОДА ОТКРЫВАЮТ ПОЭТЫ

О.Ф.Федотова, зав.литературным отделом
музея.

Нет городов плохих и хороших. Есть города свои и чужие. Сколько бы мы ни говорили о патриотизме, о любви к своей родине, большой и малой, за ней всегда конкретное: дом, улица, город...

Город. Мы живём, беспрестанно впитывая в себя его сущность, сами того не замечая, сливаемся с ним в единое целое, порой прославляем в стихах и песнях, порой негодуем и сердимся на него, тем самым также проявляя своё неравнодушие, но всегда с нетерпением ждём возвращения к нему, если приходится расставаться.

Говорят, лицо города формируют архитекторы, озеленители и дворники. Не спорю. Но точно знаю: душу города открывают поэты. Именно в их воображении создаётся та тонкая материя, которая превращается в крепчайшие нити, связывающие город и его жителей в единое целое. Именно они находят те самые необходимые слова, которые, единоклю войдя в наше сердца поэтическими образами, уже никогда нас не покидают.

"Любимый город", "город детства", "город первой любви" - понятия из категории вечных. Часто за ними стоит не просто факт, - судьба. А город, где поэт впервые ощутил творческое вдохновение, плеснувшее стихотворной строкой на бумагу, увидел одобрительное внимание в глазах слушателей или, паче чаяния, издал первую книжку, уже навсегда обречен на его, поэтово, признательное восхищение.

Благовещенск никогда не был особенно богат поэтами, но почти каждый из них, в меру своего таланта и дарования, отразил город в своих стихах и песнях. Виктор Алешин, Светлана Борзунова, Станислав Демидов, Игорь Игнатенко, Олег Маслов, Виктор Яганов и другие - все они сегодня живут и здравствуют в Благовещенске.

В стихах Благовещенск часто называют молодым. Действительно, 135 лет для города срок небольшой. Однако феномен его в том и заключается, что за это короткое время он сумел так плотно и сконцентрированно прожить свою историю, на что другим городам потребовались многие сотни лет.

Войдя в историю одним из первых городов Приамурья, Благовещенск в XIX веке стал центром разрешения "Амурского вопроса" — одной из самых значимых страниц не только русской, но и мировой истории. Именно в непосредственной близости от него произошло подписание Н.Н.Муравьевым Айгунского договора, установившего границу между Россией и Китаем и положившего начало новому этапу освоения этих земель. Не комсомольские строительные отряды, по зову сердца и партии едущие строить новый город, первыми ступили на эту землю, а отряд из полусотни казаков, больше половины из которых не пережили первой же страшной зимы. Не с белоснежных новостроек начинался наш город, а с землянок и 16 деревянных домов, "вытянутых по прибрежной равнине реки Амура", как писал о нём известный русский писатель и этнограф С.В.Максимов всего лишь на третий год основания города.

В современной амурской поэзии тему старого Благовещенска разрабатывает Виктор Яганов. Благовещенск в полном смысле его город: "До сих пор на асфальте расплавленном сохранились следы мои детские", — пишет автор. Но, не ограничиваясь только детскими воспоминаниями, Виктор идёт глубже. Его Благовещенск — город первых землепроходцев Амура, когда казаки, "идя встреч солнца", прорубали первые улицы, названные в память великих сынов России — Н.Н.Муравьева и Г.И.Невельского ("Две улицы"). Его город — "тихий и крохотный", в котором "ни машин, ни угара, ни грохота", не случайно прославленный русскими купцами, потому как до революции действительно был самым крупным торговым центром русского

Дальнего Востока ("Воспоминание о старом Благовещенске"). А увидев однажды глазами поэта, как ранним зимним утром город идёт на рождественскую литургию в "чудный Шадринский собор" ("Рождество"), действительно задумываешься: а простят ли нам потомки, что остаёмся мы неваждами, забывая не только названия старых улиц, но и вообще — историю? Несколько лет назад другой поэт, Олег Маслов, посожалел:

Пусть старина вовеки не воскреснет,
Но всё же грустно будет, коль она
Уйдёт, неповторимая, — ни в песне,
Ни в ёмком слове не воплощена.

Уже не уйдёт. Потому что воплощена В. Ягановым.

Город постоянно строится, растёт, становясь год от года ещё моложе, и это отмечается едва ли не во всех стихотворениях о нём.

Другая традиционная тема стихов о Благовещенске — его географическое местонахождение. "У слиянья Амура и Зеи", "Где Амур и Зея сливаются", "где голубов цепью Амур и Зея нжут лёд", "седые льды расталкивал Амур" — строки из стихотворений поэтов, чрезвычайно разных, уже давно и достаточно ярко сумевших выразить в поэзии свою творческую индивидуальность. Однако, как мы видим, в стихах о Благовещенске они удивительно похожи лексически.

И тем не менее у каждого из поэтов свой Благовещенск.

"Три кита — простор, покой и простота — всегда видны в его основе" Леониду Завальнику, уже много лет живущему в столице, но по-прежнему считающему этот город своим. ("Стихи о Благовещенске")

"И суетно кругом, и многолюдно" кажется в Благовещенске Олегу Константиновичу Маслову, и в жизни и в стихах человеку чрезвычайно уравновешенному, лиричному суетливости и внутреннего беспорядка. ("Благовещенск").

А вот через всё стихотворение Сяо Фана, поэта из соседнего Китая, побывавшего у нас осенью 1991 года и привлекшего к

по-настоящему многолюдным китайским городам, лейтмотивом проходит тишина, которую он сравнивает с глубиной океана. ("Этот город полон тишины...").

По-студенчески легко воспринимается город Станиславом Демидовым, которому "здесь всё так близко... и дорого, и всё знакомо с детских лет" ("Благовещенск").

А у Светланы Борзуновой, несколько лет назад приехавшей в Благовещенск, отношения с ним складывались непросто. И если поначалу "город до себя не допускал", держался с нею "вежливо и сухо", то теперь, бесспорно, общий язык с "осторожным Благовещенском" у неё уже найден. ("Назад и влево уплывал закат...").

Думается, что предлагаемая подборка стихов о Благовещенске, написанных в разное время и частично уже опубликованных, даст читателю возможность по особому взглянуть на наш город, постараться почувствовать не только и не столько его физическую сущность, сколько проникнуть в его **духовный** смысл, понять движения поэтической души, водившей пером поэта, а поняв, также принять и полюбить этот город навсегда.

Виктор Яганов

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОМ БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

Ни машин, ни утара, ни грохота,
Кроны, словно в зелёном ивее,
Был мой город тихий и крохотный,
Знал я многих в лицо и по имени.

Город русский, купцами прославленный,
В нём царили покой, благоденствие,
До сих пор на асфальте расплавленном
Сохранялись следы мои детские.

Не стучат больше кони подковами,
Густо транспортом улицы поднятся.
И встречаются реже знакомые
Имена их всё чаще не помнятся.

По бульвару шагаю весеннему,
Мимо пёстрыми стайками шумными —
Незнакомое мне поколение —
Земляки мои младшие, юные.

Глядя в очи их карие, синие,
Убеждаюсь и сердцем и прожитым:
Город мой — тот в зелёном ивее,
Город их — этот шумный, встревоженный.

Виктор Яганов

ДВЕ УЛИЦЫ

Где Амур и Зея сливаются,
По берегам их, некогда диким,
Эти улицы пересекаются,
Словно судьбы сынов великих.

Эти улицы освященные
Уваженьем людское снискали,
Словно шашки в бою скрещённые —
Муравьёвская и Невельская.

Топорами, идя встречу солнца,
Эти улицы прорубали,
Именами землепроходцев
Казачи для потомков назвали.

Но чадит, как лучина угарная,
В недрах душ, сатаной пленённая,
Наша память неблагоприятная,
Наша совесть, в делах посрамлённая.

И останемся мы невеждами,
И простят ли потомки, не знаю,
Что забыты улицы прежние —
Муравьёвская и Невельская.

Виктор Яганов

Р О Ж Д Е С Т В О

Пробуждая утром ранним
Голубую даль окрест,
Плыл над градом деревянным,
Над Амуром благовест.

В стальных окнах гасли свечи,
Отходя от срочных дел,
Закрывали люди печи,
Дым над крышами редел.

Не спеша, путём привычным
Шёл богатый люд, простой
По Казачьей, по Станичной,
Муравьёвской, Невельской.

Снег клубился следом густо —
Мчались саночки купцов
И, с ядреным снежным хрустом,
Кони гордых казаков.

Дошки, шубы дорогие...
Городская дума, власть —
Город шёл на литургию,
На кресты церквей крестясь.

Возвышаясь над домами,
Окружал сосновый бор
С голубыми куполами
Чудный Шадринский собор.

Виктор Аллюшин

НА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ

Меж городами бегут
Серые воды Амура.
Разная архитектура,
Парков зелёный уют.
В полдень Амур молчалив.
Тень у деревьев густая.
Песня летит из Китая -
Грустный восточный мотив.
Зной - хоть Амур занавесь.
Улицы - сонное царство...
Не города - государства
Мирно соседствуют здесь.

Виктор Аллюшин

В ЛЕТНЕМ БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

Ещё горяч речной песок.
Амур и Зея - в неге.
Но тополь, строен и высок,
Напомнит им о снеге.
Когда июльский воздух сух,
Разросшийся без меры,
Он с высоты роняет пух
На улицы и скверы.
Стоит и держит на весу
Серебряную вьюгу.
А реки быстрые внизу
Торопятся друг к другу.
И не понять: дома в воде,
В снегу ли утонули...
Так в Благовещенске везде
Белым бело в июле.

Леонид Завальник

СТИХИ О БЛАГОВЕЩЕНСКЕ.

У города хороший вкус,
Он не гигант, сказать по чести,
Но каждый дом и каждый куст
В нём удивительно на месте.
Давно подмеченный закон
Здесь новой силой поражает:
Кто строит город над рекой -
Реке невольно подражает.
Страды ли зной и духота,
Зима ли грозно хмурит брови -
Он неизменен.
Три кита -
Простор, покой и простота -
Всегда видны в его основе.
Двенадцать лет живу я здесь.
Бывало, днём и ночью поздней
Я исходил в нём всё как есть,
Шагами он измерен весь,

Но и на треть ещё не познав.
Бежим на запад, в города,
Где и привольней, и красивей,
И не понять, какую силой
Опять приводит нас сюда.
Что гонит в дальнюю дорогу?
Быть может, жажда тишины,
Той самой древней старины,
Которой здесь не так уж много?
У города своё лицо,
И город это понимает,
Но беспечно и легко
Он новостройки принимает.
Стараясь сердце не душишь,
Покорно следует за веком.
С ним, как со взрослым человеком,
Легко работать и дружить.
О пристань верная моя!
Устал ли, просто ль нос повесил,
Едва к тебе причало я —
И снова живь,
И снова весел.
До кноти — подать рукой,
И даже возраст не мешает.
Кто строит город над рекой,
Реке невольно подражает.
Амур...
Склонившийся над ним,
Стоит он, солнцем осыпаям,
Как эти воды, обозрим
И как они — неисчерпаем.

Олег Маслов

БЛАГОВЕШЕНСК

Про новый город распевают песни,
Ещё не зная, будет он каков,
А мой, родной — столетию ровесник,
И нет о нём ни песен, ни стихов.

Лишь гость залётный иногда с эстрады
Экспромтом выдаст пару звучных строк,
И удивится старожил: а правда —
И наш не хуже прочих городов!

Не, подарив гостям аплодисменты,
Ему опять не до его красот,
Да и красоты эти — ближе к центру,
А чуть подалее — всё наоборот.

Куда ни глянь — строительные краны,
Помоги и траншеи там и тут,
Бывает — нет воды, и постоянно
Меняется автобусный маршрут.

И суетно кругом, и многолюдно,
И в сутолоке будней всё видней:
Построить город — это очень трудно,
Но перестроить — всё-таки трудней.

Ведь суть не только в том, чтобы хибары
Сносить и строить светлые дома,
Жильё - жильём, а дух закваски старой
Зивуч в подвалах сердца и ума.

Что ни построй - не угодить порою
Тому, кто врос корнями в старину...
Но день за днём, корчуя, руша, строя,
Растёт мой город вглубь и в вышину.

Пусть старина вовеки не воскреснет,
Но всё же грустно будет, коль она
Уйдёт, неповторимая, - ни в песне,
Ни в ёмком слове не воплощена.

Станислав Демидов

БЛАГОВЕЩЕНСК

I

На улицах родного города
Люблю встречать закат, рассвет,
Здесь всё так близко мне и дорого
И всё знакомо с детских лет.

Старинный город мой не старится,
Он весь в строительных лесах,
В наряд зелёный одевается
И молодеет на глазах.

Я с ним и сам всегда моложе,
Я с ним давно уже "на ты".
И с каждым днём мне всё дороже
Родного города черты.

II

Твои площади, улицы
Широки и прямы.
Здесь живём мы и трудимся,
Здесь влюбляемся мы.

Мы-строители радости,
И высокой мечты.
Не боимся мы старости
Точно так же, как ты.

Над Амуром и Зеей
Пламенеет рассвет.
Для амурцев роднее
Благовещенска нет...

Сяо Фан
Перевод С. Демидова

РАЗДУМЬЯ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

Этот город полон тишины,
Тихие прохожие видны.
Улицы тихи, тихи улыбки,
Всюду листьев золотые свитки.
Зрелости, терпенья тишина,
Словно океана глубина,
К тяготам, лишениям готовность
И певца упорство, непокорность,
Сила и уверенность в себе,
Тишина высокая в судьбе,
... Этот город полон тишины.

Светлана Борзунова

X X X

Назад и влево уплывал закат.
Но этот город не был мною прожит.
Его томил мой жёсткий трезвый взгляд,
Он от меня открепивался томе.
Не понимал меня, не принимал:
"Иди же прочь, ты всем во мне чужая".
Назад и влево отступал закат,
К востоку неуклонно приближая.
И подступала смертная тоска,
Смакала взор и дух лишала слуха.
О, город до себя не допускал,
Со мной держался вежливо и сухо.
Но всё же распускались тополя -
Для всех своих, и для меня отчасти.
И распускалась мёрзлая земля,
И испускала потоки счастья.
Седые льды расталкивал Амур,
Свой песок оглаживала Зоя,
Проектора очерчивали круг,
Пересекаясь где-то над музеем,
Кружили вдоль границы катера,
Собаки заливались на заставе.
Я понимала: близилась пора,
Чтоб отношения с городом исправить.
Бродя под майским вкрадчивым дождём,
Я понимала явственней и резче:
Мы общий нам язык уже найдём
С тобой, осторожный Благовещенск.

Нехама Вайсман

ПЕСНЯ НАД АМУРОМ

Над Амуром седым тополи
Пламенеют кострами вершин.
И цветёт Благовещенск,
Многоцветьем осенних ^{маня}
Многоцветьем осенних ^{картин.}
Как хорош ты, мой город ^{родной!}
Стрелы улиц, простор ^{площадей,}
Где в старинных домов ^{узор}
Вплелся абрис сегодняшних ^{дней.}
И работать, и жить легко,
И летят, словно птицы, ^{года.}
Оставляя свой светлый след
Навсегда, навсегда,
навсегда!..

Александр Штенников

НОЧНОЙ ГОРОД

Дождь за окнами хлещет
И по крышам стучит.
Город мой Благовещенск
Тихо дремлет в ночи.
Здесь проходит граница,
Здесь то весел, то хмур.
Бесконечно струится
Величавый Амур.
Катера у причала
Отдохнут до утра,
И начнут всё сначала:
Им - в дорогу пора.

Игорь Игнатиенко

БЛАГОВЕЩЕНСК, ИЮНЬ-93

Задыхается город от чада "тойот",
Спотыкаясь в траншеях, шныряя в проулках.
Даже если он помнит меня, то не ждёт,
Как когда-то дивно на совместных прогулках.
У модерна в морщинах старинных лицо,
В нём любое строенье быть может музеем -
Тот же Чурин и К^о, - поднимусь на крыльцо
И себя вдруг почувствую я ротозеем.
Что оставлю потомкам на память в веках:
Кучу банок консервных пустых, тьму отходов?
Или что-то упрячется в черновиках
И потом прорастает, как озимые всходы?
Здравствуй, город! И полною грудью дыши
У слиянья Амура и Зеи,
Для бессмертной моей, для скорбящей души
Воздвигай и храни свои здабья-музеи.